

СОДЕРЖАНИЕ

Колодец желаний	9
Примирение	29
Лицо	48
Спинетч	67
Багнелл-террас	93
История заброшенного дома	111
Виноградник Навуфея	129
Искупление	149
Дом, милый дом	173
И птицы небесные не поют	193
Дом-на-углу	211
Станция Корстофайн	230
Капище	248
Шаги	271
Кровать у окошка	289
Джеймс Лэмп	304
Танец	323
Повешение Альфреда Уодема	342
Пираты	360
Инвалидная коляска	386
Обезьяны	407
Кристофер возвращается	431

Эти истории написаны в стремлении приятно пощекотать нервы читателю. Тот, кому случится на досуге развлечь себя чтением перед сном, когда за окном темно и дом спит, должно быть, не раз бросит взгляд в дальний угол комнаты, желая удостовериться, что в тени ничто не таится. Ведь это главная тема мистических рассказов, повествующих о мрачных незримых силах, которые порой проявляют себя самым пугающим образом. А посему автор горячо желает читателям с испугом провести время.

Э. Ф. Бенсон

КОЛОДЕЦ ЖЕЛАНИЙ

Среди торфяников северного Корнуолла притаилась долина, похожая формой на треугольник; в том его углу, что глядит на море, лежит деревушка Сент-Джервас. Поверьте, даже в Камберленде¹, этом краю холмов, не сыскать населенного пункта, который был бы столь же труднодоступен. Четыре мили бездорожья — точнее, каменистых круч — отделяют Сент-Джервас от шоссе, в туристический сезон утопающего в облаках пыли, поднимаемой автобусами, что катят в Бьюд и Ньюки². Что до ближайшей железнодорожной станции, до нее и вовсе целых восемь миль. Любознательный путешественник, справившись с путеводителем, сочтет Сент-Джервас стоящим своего внимания в лучшем случае единожды за лето (да и то не каждый год) — а все потому, что путеводитель игнорирует все местные достопримечательности, кроме древнего колодца желаний. Расположен этот колодец прямо у воскресных ворот³, что ведут на кладбище при

¹ Камберленд — традиционное графство на севере Англии. Было упразднено в 1974 г. Его территория вошла в состав церемониального графства Камбрия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Бьюд и Ньюки — города-курорты на северном побережье Корнуолла.

³ Воскресные ворота (личгейт) — традиционные ворота-арка с треугольной крышей у входа на территорию, прилегающую к церкви.

церкви. Вообще, внешнему миру очень мало дела до Сент-Джervasа, а Сент-Джervasу едва ли больше дела до внешнего мира. В той точке, где проселок вливается в шоссе, редко когда заметишь местного жителя, который ждет автобуса; да и автобус редко здесь останавливается ради высадки пассажиров. Иногда прогремит телега, груженная мешками с углем или бочонками с пивом, ибо всеми остальными жизненно важными продуктами местные жители снабжают себя сами (в долине есть фермы, при коттеджах — огороды, да еще горстка рыбацких лодок регулярно доставляет на берег дары морские). Плоды науки, культуры и религии, если только они не возвращены здесь же, в Сент-Джervasе, не соблазняют его уроженцев, ибо местная почва дает мудрым дочерям своим целебные травы для недужной плоти, а традиционные темные искусства открывают тайны наведения чар, годных для приворота и отмщенья. О последнем вслух говорят лишь в одном доме; в остальных это не принято. Страшным шепотом передаются сакральные знания от матери к дочери с тех времен, когда три столетия назад целая толпа визжащих женщин со связанными руками была угнана отсюда в Бодмин, где несчастные выдержали пародию на судебный процесс и заживо сгорели на костре.

Тем более странно, что дом викария — казалось бы, обитель, не зачуженная дымом древних суеверий, — сделался лабораторией, где открыто и усердно изучались магия и колдовство. Впрочем, преподобный Лайонел Остерс питал к сим предметам интерес сугубо научный, являясь признанным во всей Англии фольклористом. Приходские его обязанности были несложны и оставляли много свободного времени — преподобный считал, что духовные запросы его паствы вполне удовлетворяются парой воскресных проповедей, и остальные дни недели проводил в библиотеке пасторского дома,

густо затянутого плющом и расположенного непосредственно за воскресными воротами. Здесь преподобный Остерс вот уже много лет терпеливо и неустанно трудился над энциклопедией волшбы, иногда отдавая в печать отдельные главы; к примеру, глава о происхождении метлы для полетов была написана весьма живо. Будучи человеком обеспеченным и не имея затратных привычек и увлечений, если не считать страсти к книгам по своему предмету, преподобный Остерс не жалел на них денег. Он пристроил к пасторскому дому библиотеку, и всего несколько полок на ее стеллажах покамест оставались пустыми. Двадцать лет назад, когда слабое здоровье вынудило преподобного бежать с глинистых, пронизанных сыростью кембриджских улиц, он был определен сюда, в эту глушь, столь располагающую к занятиям. Здесь, в теплом мягком климате, преподобный почувствовал себя гораздо лучше, а его хобби вышло на новый уровень.

Он давно уже овдовел; хозяйством занималась его сорокалетняя незамужняя дочь. Наиболее благоприятные для вступления в брак годы ее девичества прошли здесь же, в Сент-Джержесе, в полной изоляции от женихов, равных ей по статусу. Порой, узнав, что в деревне намечается сватовство или у молодых супругов родился ребенок, Джудит, упустившая свое время, чувствовала жгучую горечь. Однако она давно и твердо знала: чары Сент-Джержеса над нею слишком сильны. Потаенную долину она, Джудит Остерс, покинет только вместе с тем воздыхателем, который сумеет стать магнитом для ее сердца; иначе о выходе в мир за пределами корнуоллских торфяников и речи идти не может. Конечно, Джудит навещала отцовскую и материнскую родню — но визиты были редки, и всегда она рвалась домой. О, эти пробуждения навстречу солнцу, золотящему дрок на склонах холмов, или на-

встречу западному ветру, что с ревом швыряет в окно целые пласты дождевой воды! Поистине, даже ненастный день в Сент-Джержвасе стоит всех солнечных дней вдаль от него; поистине, пляж в бухте (неважно, дремлет ли море или ярится, оставляя на песке клочья пенного кружева) куда лучше лучезарности южных лагун. Только здесь, в Сент-Джержвасе, Джудит имеет доступ к сокровищам подсознания, которые дают истинную отраду, — не то что поверхностные удовольствия, предлагаемые цивилизованным миром. Здесь тайные чары ежедневно ткут свое полотно, а нити — долевыи и уточные — проходят сквозь душу и плоть.

С тех пор как умерла мама, дни текли для Джудит в унылом однообразии. Хлопоты по хозяйству отнимали один лишь краткий час от ее утра. Затем она шла в библиотеку, к отцу, чтобы под его диктовку предать бумаге очередной параграф — если, конечно, тот уже был набросан; если же нет, если отец еще только готовил текст, всегда изобилующий примечаниями, Джудит приходилось открывать справочники, бесконечные ряды которых громоздились на стеллажах. Каждая глава была посвящена тому или иному заклинанию или обряду — например, такому, который гарантировал плодovitость домашнего скота или обещал, что женщина скоро станет матерью. Попадались любовные привороты, но сталкивалась Джудит и с заговорами иного толка — они почему-то вызывали ее особый интерес. Тут речь шла об отмщении за безразличие; влюбленная девушка, которую игнорировал предмет ее страсти, могла напустить на него неведомую хворь и мало-помалу свести бессердечного в могилу. Шли месяцы; шаг за шагом преподобный Остерс продвигался сквозь туманы древних таинств, а его дочь между тем все больше подпадала под их сатанинское влияние.

Преподобный добрался до феномена, известного как колодцы желаний; в то утро он мерил шагами библиотеку и диктовал дочери, то и дело заглядывая в черновик.

— В могущество так называемых колодцев желаний, — вещал преподобный Остерс, — верили практически все европейские народы, однако нигде не находим мы свидетельств, будто бы силы, приписываемые таким колодцам, готовы служить всякому, кто бы ни воззвал к ним. Одни только ведьмы да персоны с оккультными способностями могли сделать так, чтобы колодец заработал, причем заклинания, несомненно, имели сатанинскую природу. До победы христианства колодцы использовались исключительно для того, чтобы пробудить зло. Все колодцы, как ни странно, очень сходны по внешнему виду: каждый имеет каменную арку либо навес, а в стенках, выступающих над землей, обязательно проделаны миниатюрные ниши. В наши дни, осиянные христианской верой, в эти ниши принято ставить свечи и класть благодарственные подношения, а вот каким целям ниши служили прежде, пока не очень понятно. Не вызывает сомнений одно: их использование связано с наведением пагубных чар. Лично я предполагаю следующее: имя персоны, обреченной на гибель, выцарапывалось на монетке или записывалось на клочке бумаги либо ткани и помещалось в нишу, с тем чтобы дьявольские силы взяли за дело. Из известных мне колодцев желаний наиболее хорошо сохранился тот, что находится в Корнуолле, в деревне Сент-Джервас; его покатая каменная крыша в превосходном состоянии, сам же он, как и положено колодцу, очень глубок. Местные жители верят, что могущество этого колодца не убыло до наших дней, хотя никто уже, насколько мне удалось выяснить, не обращается к нему, имея в виду осуществить злой умысел.

Случается, будущая мать пьет из этого колодца с молитвой или девушка, чей возлюбленный ушел в море, выцарапывает его имя на серебряной монете и бросает в воду, полагая, что обеспечила ему благополучное возвращение. Жители Сент-Джерваса почему-то очень не любят говорить о подобных ритуалах, но я ручаюсь: они имеют место...

Преподобный Остерс замолчал и принялся тереть свою вандейковскую седеющую бородку.

— Джудит, милая, тебе не кажется, что я переступаю границы благоразумия? — спросил он. — Впрочем, маловероятно, что экземпляр моих трудов, напечатанный в университете и стоящий целую гинейю, каким-то образом попадет сюда, в Сент-Джервас. Словом, риску, пожалуй. О боже, звонят к обеду! Продолжим вечером, дорогая, если у тебя будет время; сам-то я готов.

Джудит, нумеруя уже исписанные под диктовку страницы, загадочно улыбалась...

Ей было куда больше известно о здешней пастве, нежели самому пастырю, ибо он, ученый затворник, обитал как бы на опушке бытия своих прихожан, в то время как сама Джудит нередко появлялась в деревне, где запросто болтала с кумушками, покуда те, сидя на порогах своих коттеджиков, постукивали вязальными спицами. В отличие от своего отстраненного отца, Джудит имела доступ к сердцам тех, для кого преподобный Остерс оставался чужаком. К примеру, она знала, что старую Салли Трнейр в деревне считали ведьмой — недаром, когда неделю назад она скончалась, все местные облегченно вздохнули. Так вот эта Салли постоянно торчала у колодца желаний, бормоча что-то себе под нос. Каждого, кто ей не потрафил, ждали всяческие несчастья: корова рожала мертвого теленка, начинался падёж овец или на выпасе, откуда ни возмись, вырастала белена, смертельно опас-

ная для скота. Вот почему благоразумные деревенские жители почтительно здоровались с Салли и присылали ей гостинцы — первую пробу меда с собственных пасек и шмат свежины при убое поросенка. Джудит, впрочем, не стала пересказывать отцу деревенские слухи — ее удержала природная скрытность. А ведь преподобный, узнав, о чем говорят деревенские кумушки, пожалуй, пересмотрел бы свою убежденность насчет того, что сентджервасский колодец давно не ассоциируется с мольбами к силам зла. Впрочем, может, это были обычные предрассудки, ведь если бы кто напрямую спросил Джудит, верит ли она в рассказы о старой Салли, — услышал бы твердое «нет»... И все-таки нечто в глубине ее души шепнуло бы: «Не просто верю, а знаю наверняка».

После обеда преподобный Остерс вернулся за письменный стол, а Джудит прошагала две мили до фермы Джона Пенарта, чьи предки с незапамятных времен владели этой плодородной землей. Последние восемь лет Пенарт и его жена жили здесь совсем одни, ведь их единственный сын Стивен шестнадцатилетним юношей отправился в Америку искать счастья. Увы, со счастьем он разминулся и вот решил, что пора и домой, тем более что отец стареет и слабеет. Короче, Стивен возвращался с намерением больше не уезжать. Джудит хорошо его помнила: не по годам крупный привлекательный юноша — глаза синие-синие, как море, в волосах спрятался солнечный свет; интересно, думала Джудит, каков теперешний, взрослый Стивен? По слухам, он уже на ферме. Джудит жаждала встречи, но причиной своего визита на ферму она, как и всегда, назвала бы желание поговорить с миссис Пенарт, матушкой Стивена. Ибо никто, по мнению Джудит, не имел таких познаний о вещах истинно важных. Миссис Пенарт ни в жизнь бы не нашла Индию на глобусе,

что стоял в кабинете пасторского дома, и не ответила бы ни на один из элементарных, школьных вопросов о королеве Елизавете. Ей понадобилось бы задействовать свои пальцы, чтобы прибавить пять к четырем — но что значат эти пустячные умения, если миссис Пенарт владеет мало кому известными, тайными сведениями! К примеру, наложением рук умеет исцелять людей и животных; ей достаточно прикоснуться к хворой корове — и на завтра та уже снова на выпасе; достаточно пошептать на ушко малышу, лежащему в горячке, и аккуратно вырвать у него из темечка волосок (а заодно и головную боль) — и малыш спокойно засыпает. Вдобавок, единственная во всей деревне, миссис Пенарт не заискивала перед Салли Трениер и не делала ей подношений. Однажды ей случилось проходить мимо коттеджика Салли; старуха разразилась проклятиями, бросилась догонять миссис Пенарт и проковыляла за ней половину пути до фермы, визжа без умолку. И вдруг миссис Пенарт обернулась, наставила на Салли палец и отчеканила:

— Ты, пьянчужка, старая безмозглая карга! На колени — и о прощенье меня умоляй, а потом проваливай восвояси и больше мне не попадайся.

И что же? Салли так и рухнула перед миссис Пенарт, коленями прямо на камни; Салли, крадучись, поплелась домой, и с тех пор, если миссис Пенарт случалось появиться в деревне, Салли спешила запереть свою дверь — ведь, судя по всему, миссис Пенарт владела тайнами, неизвестными даже ей.

Джудит срезала путь, взойдя по крутому склону холма; даром что жарко светило солнце, она была без шляпы, а подъем вызвал легкую одышку. Высокого роста, миловидная брюнетка, Джудит отличалась чистотой кожи и здоровым румянцем, какой дают только солнце и свежий воздух. Пухлые губы намекали на тле-